

E $\frac{98}{412}$

ЭБ

2007056064

Э 98
412 Библіотекa „Дѣтскаго Чтенія“.

Маня Лотай.

Разсказь изъ жизни сѣверныхъ инородцевъ

К. Д. Мосилова.

ЦѢНА 10 К.

По порученію Коммисіи по составленію тѣневыхъ картинъ при учебномъ отдѣлѣ Политехническаго Музея, изданіе редакціи журналовъ: „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“.

МОСКВА.

Типо-Литографія Н. Г. Чукина, Большая Дмитровка, собств. домъ.

1901.

РУКОВОДСТВА

Д. И. ТИХОМИРОВА

для

УЧЕНИКОВЪ.

Правописаніе до грамматики, сборникъ орфографическихъ упр. Рук. для сельск. нар. учил. и подг. школь. Ц. 10 коп. Изданіе 2-е.

Вешніе Выходы, книга для класснаго чтенія, бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ изложеній, руководство для семьи и школы. Годъ первый, 30-е изд. Ц. 30 коп. Годъ второй, 26-е изд. ц. 40 коп. 1 и 2 части въ 9 изд. допущены къ употребл. въ низш. учил. Мин. Нар. Пр. (Отн. отъ 31 окт. 1897 г. № 28823.) Годъ третій и четвертый, 14-е изд. Ц. 60 коп. Въ 5-мъ изд. одобрены для низш. учил. и для младшихъ клас. сред. учеб. завед., какъ мужск., такъ и женск. допущены въ безплат. нар. библи. и читальни. (Отношеніе отъ 31 окт. 189 г. № 26766.)

Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славян. чтенію, письму и арифметикѣ. Руков. для школь грамотности, для домашняго обученія, для церковно-прих. и фабричн. школь. Изд. 3-е, 1898 г. Ц. 30 к.

Буквар для совмѣстнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и счисленію. Изд. 140—133, 1899 г. Ц. 20 коп. Книга внесена въ 10 изд. въ каталогъ для употребл. въ низш. учил. Вѣд. Мин. Нар. Пр. (стр. 18).

Азбука церковно-славянская. Изд. 6-е, 1898 г. Ц. 6 к.

Книга для церковно-славянскаго чтенія, — руков. для учениковъ, ч. 1-я. 1899 г. Изд. 17-е. Ц. 30 к. (Книга занесена въ 3 изд. въ каталогъ книгъ для употребл. въ низш. учил. Вѣд. Мин. Нар. Пр. (стр. 18). — Часть 2-я, 1896 г. Ц. 20 к.

Какъ жить по слову Божию? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Заветъа. 1899 г. Изд. 5-е. Ц. 5 к.

См. 3-ю стр. обертки.

Библиотека „Дѣтскаго Чтенія“.

„ТАНЯ ЛОГАЙ“.

Разсказъ изъ жизни сѣверныхъ инородцевъ.

К. Д. Носилова.

По порученію Коммисіи по составленію коллекцій тѣневыхъ картинъ
при Учебномъ отдѣлѣ Политехническаго музея.

Изданіе редакціи журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій
Листокъ“. Москва, Б. Молчановка, домъ № 24. Д. И. Тихомирова.

МОСКВА,
Типо-Литографія И. Г. Чукина, Бол. Дмитровка, соб. д.
1901 г.

Дозволено цензурою. Москва. 2-го октября 1900 г.

ТАНЯ ЛОГАЙ.

РАЗКАЗЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО СѢВЕРУ.

I.

а Новой Землѣ у меня есть одна знакомая самоѣдская дѣвушка, которая, будучи тринадцати лѣтъ, уже была бѣлыхъ медвѣдей.

Эту замѣчательную дѣвушку всѣ знаютъ на этомъ полярномъ островѣ; зовутъ ее Таня Логай.

Въ первый разъ я съ ней познакомился зимой 1887 года.

Однажды въ зимній коротенькій денекъ, когда вмѣсто солнечнаго свѣта въ замерзшія окна заглядывали къ намъ полярныя сумерки, а на дворѣ шелъ снѣгъ, мы вдругъ услышали подъ окнами нашей зимовки громкій лай цѣлой стаи собакъ. Это было вѣрнымъ признакомъ, что пріѣхалъ къ намъ кто-нибудь изъ самоѣдовъ.

Дѣйствительно, черезъ какую-нибудь минуту, вмѣстѣ съ облакомъ холоднаго пара, вошелъ къ намъ въ комнату, весь въ снѣгу, въ широкой, мохнатой

оленьей малицѣ-шубѣ, съ громадной, пришитой къ ней шапкой, маленькій, юркій, веселый самоѣдъ Логай.

Онъ зимоваль отъ нашей колоніи верстахъ въ двадцати, на берегу одного широкаго залива, гдѣ стояла его маленькая избушка, и мы тотчасъ же догадались, что онъ пріѣхаль къ намъ въ такую погоду по какому-нибудь важному дѣлу.

Съ трудомъ освободившись отъ своего теплаго костюма, въ которомъ можно рѣшиться заночевать въ какой угодно морозъ, прямо на снѣгу, онъ намъ сообщилъ новость: у него родился недавно сынокъ, и вотъ теперь онъ пріѣхаль просить батюшку-миссіонера окрестить ребенка, а меня—быть кумомъ.

Я очень былъ радъ такому приглашенію и спросилъ,—кто будетъ моею кумой?

Логай помялся немного и, сказавъ, что достать куму со стороны очень трудно, предложилъ за неимѣніемъ другой свою дочь, Таню.

Я давно уже, съ самаго пріѣзда на островъ, слышалъ объ этой замѣчательной дѣвушкѣ, и, самъ будучи страстнымъ охотникомъ, радъ былъ покумиться съ маленькой охотницей-самоѣдкой.

Угостивъ нашего гостя чаемъ, мы съ батюшкой собрались вечеромъ въ путь, потеплѣе закутавшись въ самоѣдскія шубы. На дворѣ стоялъ морозъ, и къ тому же съ утра порошило снѣгомъ, и пробѣгали вихри, поднимая и крутя въ воздухѣ снѣжную пыль. Около дверей насъ уже съ нетерпѣніемъ поджидала пара низенькихъ, самоѣдскихъ санокъ,

въ которыя было запряжено по цѣлому десятку разношерстныхъ самоѣдскихъ собакъ. Онѣ нетерпѣливо потягивали, старались освободиться отъ легкихъ ремешковъ-лямочекъ, которыми ихъ привязали къ санкамъ съ надѣтыми на шеи петлями, что-то въ родѣ хомутовъ, и были очень рады сорваться съ мѣста, какъ только ихъ вожаки взяли длинныя «хореи» — палки и предложили намъ сѣсть и покрѣпче держаться. Мы сѣли, закутались и, при оглушительномъ лаѣ собакъ, которыя отъ радости чуть не передрались, быстро скользнули изъ колоніи на ледъ залива и понеслись, прыгая по изрытому вѣтромъ твердому снѣгу, вдоль высокихъ, скалистыхъ береговъ моря.

Я очень люблю ѣзду на собакахъ. Маленькія, длинныя, низенькія саночки, десятокъ разношерстныхъ, пушистыхъ, съ загнутыми на спину хвостами собачекъ, которыя такъ забавно вытянутся на ходу во весь ростъ, приподнимутъ веселыя мордочки, поставятъ торчкомъ уши, ихъ поспѣшный бѣгъ, ихъ оживленіе, высунутые языки, порой на бѣгу маленькая драка, — все это дѣлаетъ поѣздку такой необычайной, такой оживленной, веселой, что ее не скоро позабудешь. Легкія санки неслышно скользятъ по твердому, убитому вѣтромъ снѣгу, скачутъ по льду, поднимаются на берегъ, пересѣкаютъ голый, скользкій ледъ озера, рѣчки, летятъ стремглавъ подъ гору, раскатываются на поворотахъ, перепрыгиваютъ черезъ камни, слетаютъ съ сугробовъ. При всемъ этомъ не нужно забывать, что на Новой Землѣ нѣтъ не только какой-нибудь дороги, но

даже и тропы. Быстро, порой во весь собачій опоръ несутся впереди запряженные вѣромъ собаки. Онѣ и безъ дороги хорошо знаютъ, какъ и ихъ вожакъ-самоѣдъ, куда надо держать путь; имъ совсѣмъ не тяжело тянуть за собой санки съ двумя сѣдоками и порой, когда мы пересѣкаемъ свѣжій слѣдъ песка, лисицы, имъ даже хочется попробовать догнать звѣря. Но длинный, тонкій шестъ самоѣда, которымъ онъ то править, то тормозить съ горы санки, — этотъ шестъ направляетъ собакъ на настоящій путь, и онѣ, позабывъ уже песка, снова бѣгутъ впередъ, и мы неслышно несемся при слабыхъ сумеркахъ вечера въ полярной пустынѣ.

Порой, чтобы дать вздохнуть собакамъ и поправиться самимъ, обтереть отъ снѣжной пыли лицо мы останавливаемся. Собаки тогда садятся въ кружокъ, ластятся къ намъ, охорашиваютъ свои пушистыя лапки, а мы прислушиваемся, какъ шумить въ горахъ вѣтеръ, какъ стонуть въ морѣ подъ берегомъ льды, какъ треснетъ что-нибудь отъ мороза въ рѣчкѣ... Минута, и мы снова несемся дальше.

Двадцать верстъ промчались въ какихъ-нибудь полтора часа, или даже меньше, и вотъ уже мы на томъ самомъ широкомъ, пустынномъ, съ высокими снѣжными горами по бокамъ, заливѣ, гдѣ зимуетъ самоѣдъ Логай.

Вотъ впереди на низменномъ, едва видимомъ берегу мелькнулъ огонекъ. Собаки оживились и съ лаемъ бросились туда во весь духъ. Къ нимъ навстрѣчу выскочили и несутся другія, и мы, всѣ въ снѣгу, въ облакѣ снѣжной пыли, влетаемъ на бе-

регъ и прямо останавливаемся чуть не въ самыхъ сѣняхъ зимовальной избушки.

Боже, какая маленькая хижина, гдѣ живетъ этотъ самоѣдъ! Она почти вся вровень съ крышей занесена снѣгомъ, какъ стѣнами, обложена сугробами, и только крыша одна да дымовая труба, изъ которой теперь валить тихонько сѣренъкій дымокъ съ искрами, говорятъ о томъ, что здѣсь живутъ люди.

Черезъ цѣлый сугробъ снѣга мы скатываемся въ сѣни, вползаемъ въ избу и видимъ бѣдную обстановку жилища самоѣда. Оно всего пяти шаговъ длины; впереди видно маленькое оконце, заткнутое тряпичей; по бокамъ тянутся нары съ мягкими постелями изъ оленьихъ шкуръ. При свѣтѣ ночника, съ тюленьимъ саломъ и воткнутымъ туда лоскутомъ тряпичей, мы разглядѣли, что на нарахъ сидятъ въ рядъ въ оленьихъ, мохнатыхъ костюмахъ, съ шапочками на головахъ, пять маленькихъ ребятисекъ, которые съ любопытствомъ насъ разглядываютъ, засунувъ, разумѣется, пальцы въ ротъ; вмѣстѣ съ ними—пара молодыхъ щенятъ, которые составляютъ единственную компанію дѣтей.

Противъ нихъ въ углу топится очагъ, а передъ нимъ стоитъ жена Логая, которая такъ намъ обрадовалась, что не знаетъ, какъ и чѣмъ насъ встрѣтить. Дымъ отъ очага прямо поднимается кверху и такъ густо застилаетъ потолокъ, что его совсѣмъ не видно.

Мы съ трудомъ освободились отъ тяжелыхъ костюмовъ, и только тогда разсмотрѣли, что въ одномъ углу сидитъ, не смѣя пошевелиться, та дѣвушка,

которую мнѣ такъ давно хотѣлось видѣть, — моя будущая кума.

Таня совсѣмъ еще ребенокъ, невысокая, съ круглымъ, смуглымъ личикомъ, которое такъ красили черные глаза, застѣнчивая. Она, казалось, совсѣмъ не видала людей и была готова при первомъ-же словѣ спрятаться или убѣжать изъ дому. Но ея костюмъ былъ такъ оригиналенъ, что мы невольно засмотрѣлись. (Черезъ три-четыре года Таню выдадутъ замужъ, и ее наряжали, какъ будущую невесту). Она была одѣта въ оленій, расшитый разными цвѣтными сукнами, костюмъ, съ яркими, красными, синими, зелеными, желтыми ленточками, которыя торчали повсюду среди шерсти, съ замысловатыми узорами изъ разноцвѣтныхъ шкурокъ по подолу. Ея косы были такъ унизаны разноцвѣтными бусами, колечками, даже какими-то мѣдными пряжками, составляющими, несомнѣнно, драгоценность для самоѣда. Мы такъ засмотрѣлись на оригинальный нарядъ, что не могли отвести глазъ. Дѣвушка, разумѣется, еще больше отъ этого стѣснялась. Но къ ея счастію, въ избу вошелъ ея отецъ, зажегъ привезенную отъ насъ свѣчку и сталъ готовить все для крестинъ ребенка.

Зажгли передъ страшно законченной иконой восковые свѣчи, поставили среди пола купель; избушка весело освѣтилась, и началось крещение, во время котораго мы съ кумой, стоя рядомъ, порой не знали, что нужно дѣлать, какъ держать голенькаго въ пеленкахъ ребеночка, боясь его уронить, и только прислушивались, что читалъ нашъ

батюшка. Крещеніе кончилось, насъ поздравили, и моя кума скрылась опять въ свой темный уголь.

Теперь насъ стали угощать, какъ гостей. Намъ сварили уху изъ лососей, которыхъ старшій братъ кумы наканунѣ наловилъ съ ней въ ближайшемъ озерѣ, угостили копченымъ оленьимъ мясомъ, которое намъ очень понравилось послѣ дороги и мороза, и мы стали спрашивать самоѣдовъ, какъ они живутъ. Уже по самой обстановкѣ можно было судить, что Логай живетъ не богато, какъ и большинство самоѣдовъ, но зато ихъ жизнь была такъ разнообразна, такъ оживленна, благодаря охотѣ, что я даже и теперь промѣнялъ бы свою на ихнюю, хотя бы и на короткое время.

Какъ только выдастся тихій, безъ вѣтра, денекъ, Логай съ сыномъ, а въ другой разъ и съ моей кумой, отправляются на морской ледъ залива, къ ближайшей полыньѣ, гдѣ такъ часто показываются любопытные тюлени.

Охотники становятся вдоль края полыньи, прячутся за высокія льдины и ждутъ, когда на гладкой поверхности незастывшей полыньи покажется любопытная голова тюленя. Этотъ житель полярныхъ льдовъ очень любопытенъ, и стоитъ только ему замѣтить на льду человѣка, стоитъ ему только слышать его шаги, какъ онъ уже появляется изъ-подъ воды, вытягиваетъ свою круглую голову и, если человѣкъ его не пугаетъ, а еще прячется и свиститъ, то любопытство и смѣлость тюленя доходятъ до того, что онъ подплываетъ къ самому краю льда, еще болѣе вытягиваетъ толстую шею, еще

смѣлѣе вглядывается, кто спрятался тамъ за льдиной, пока въ его голову не ударить пуля, и онъ, опрокинувшись навзничъ, затрепещется весь на минуту и потомъ всплываетъ уже трупомъ.

Тогда поспѣшно сталкиваютъ маленькую промысловую лодочку, плывутъ къ тюленю вывозить его на ледъ, тутъ же обдираютъ лоснящуюся, пеструю шкуру, а мясо бросаютъ собакамъ. (Тюленью кожу хорошо знаютъ школьники,—изъ нея дѣлаютъ ранцы.)

Порой Логай съ дѣтьми ѣздитъ въ горы, гдѣ бродятъ олени, разыскивая бѣлый, вкусный мохъ среди розсыпей горъ: здѣсь его не такъ глубоко заноситъ снѣгомъ, какъ въ долинахъ. Высмотрѣвъ оленей, охотники подползаютъ къ нимъ на выстрѣлъ изъ подъ вѣтра и стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей. Перепуганные животные бросаются въ сторону и исчезаютъ гдѣ-нибудь за первымъ пригоркомъ, недоумѣвая, что случилось: они рѣдко видятъ, а часто вовсе не знаютъ человѣка и не слышатъ выстрѣловъ на этомъ пустынномъ полярномъ островѣ.

Въ другой разъ, когда наступитъ весенняя пора, когда выдастся тихая, лунная ночь, эти охотники ѣдутъ вдоль берега моря, объѣзжаютъ мысы, осматриваютъ заливы и ищутъ тамъ бѣлыхъ медвѣдей, которые въ это время любятъ выходить съ пловучихъ льдовъ на берегъ, любятъ бродить въ поискахъ тюленя на льду залива, любятъ кататься съ горокъ, со снѣжныхъ заносовъ, гоняться другъ за другомъ и играть. И это самая лучшая охота, самое лучшее, незамѣнимое удовольствіе, особенно если охотни-

камъ удастся подкараулить медвѣдя, догнать его на льду, спустить на него собакъ, которыя займутъ его лаемъ, заставить его гоняться, кружиться въ погонѣ за ними, благодаря чему охотнику легко удастся подбѣжать и пустить въ звѣря вѣрную пулю даже среди лунной ночи.

Но въ охотѣ на медвѣдя рѣдко участвуетъ Таня, хотя у нея есть свое подаренное ей отцомъ ружье-винтовка, и она отъ всей души рада была бы ѣздить на охоту, такъ какъ совсѣмъ не боится медвѣдей. Но ее не берутъ на эту охоту, потому что боятся оставить ночью на долгое время свое семейство: по ночамъ часто ходятъ по острову медвѣди, и Таня, въ случаѣ прихода незваннаго гостя, что случается далеко не рѣдко, можетъ защищать семью отъ нападенія.

Чаще всего Таня занимается охотой на песцовъ, на тѣхъ маленькихъ, бѣлыхъ, пушистыхъ лисичекъ, которыя сами прибѣгаютъ по ночамъ къ зимовкѣ, забѣгаютъ даже, случается, въ сѣни, тащатъ оттуда все, что только попадается, и нисколько не боятся ни человѣка, ни собакъ, съ которыми даже порой устраиваютъ игры.

Въ сторонѣ отъ зимовья Таня ставитъ на песцовъ капканчики, кладетъ въ нихъ для приманки кусочки тюленьяго сала. Песцы, разыскивая пищу, слышатъ лакомый запахъ, бѣгутъ къ приманкѣ и попадаютъ въ капканы.

Каждое утро Таня осматриваетъ эти капканы со своимъ маленькимъ, любимымъ братишкой Костей. Порой они застаютъ около капкановъ, даже при

свѣтъ дня, песцовъ, которые, повидимому, нисколько не опасаясь людей, ни за что не хотятъ бѣжать въ горы безъ своихъ товарищей, тоскливо сидящихъ въ капканахъ съ прижатыми холоднымъ желѣзомъ лапками.

Такъ какъ песцы кусаются слабо, а часто и совсѣмъ не сопротивляются, позволяя себя взять въ руки, то Таня беретъ ихъ рукавицей за шею, освобождаетъ ихъ, при помощи брата, изъ капкановъ и идетъ обратно домой съ живой ношей, которой такъ всегда бываютъ рады ея братишки: для нихъ забава съ песцами — любимое дѣло.

Случается, что нѣкоторые изъ молодыхъ песцовъ такъ привыкають къ людямъ, что приживаются, какъ собаки, бѣгаютъ по хатѣ, играютъ со щенятами и спятъ вмѣстѣ съ своими маленькими хозяевами, даже не думая о свободѣ, гдѣ и холодно и голодно въ зимнее время. Другіе, быть-можетъ, и убѣжали бы снова на волю, но такъ страшно боятся собакъ, что не смѣють даже сунуть носа въ сѣни.

Одного изъ такихъ любимцевъ показала намъ кума, во время нашего разговора съ нею. Она его съ трудомъ разыскала за печкой, куда онъ, вѣроятно, со страху при появленіи незнакомыхъ людей забрался. Звѣрокъ былъ такъ выпачканъ въ пыли и грязи, что его бѣлоснѣжная шкура и пушистый лисій хвостъ скорѣе походили на цвѣтъ сѣраго зайца. Онъ любопытно смотрѣлъ на насъ карими, веселыми глазами, тянулся изъ рукъ и, когда мы дали ему кусочекъ вареной говядины, жадно схватилъ его и заковылялъ, сгорбившись по-лиси,

снова за печку, гдѣ, вѣроятно, ему казалось и спокойнѣе, и теплѣе.

Мы, помню, съ восторгомъ слушали Логаевъ, торопившихся намъ рассказать, какъ они коротаютъ зиму. Эти постоянныя охоты, поѣздки на море, въ горы, домашняя, полная разнообразія жизнь, этотъ интересъ къ окружающимъ ихъ полярнымъ животнымъ, — все это заставляло посидѣть у нихъ подольше и послушать, посмотрѣть, какъ они живутъ совершенно одни на этомъ берегу залива, гдѣ сначала кажется такъ дико, печально, грустно, при взглядѣ на бѣдность жилья, на суровость природы Сѣвера.

Но главнаго, что намъ хотѣлось такъ услышать, — какъ убила бѣлаго медвѣдя моя кума. — намъ она все-таки не рассказала. Какъ только мы коснулись этого важнаго для нея воспоминанія и попросили ее передать намъ хотя немного подробностей, она вдругъ, вспыхнувъ румянцемъ, быстро скользнула въ уголъ и скрылась, какъ ея песецъ, за печкой.

Самъ хозяинъ Логай не могъ, къ сожалѣнію, передать намъ всѣ подробности этого замѣчательнаго событія, прославившаго на всю Новую Землю маленькую самоѣдскую охотницу: онъ былъ въ это время вмѣстѣ со своимъ старшимъ сыномъ Иваномъ на промыслѣ, въ морѣ, а дома оставалась одна его жена съ Таней и ребятишками. Но наше любопытство все же было удовлетворено рассказомъ его жены, которая хоть и плохо говорила по-русски, но понять ее все-таки было можно,

II.

Это событіе случилось какъ разъ годъ тому назадъ.

Такъ же, какъ и сейчасъ, Логая зимовали тогда въ такой же маленькой зимовальной избушкѣ, находящейся, какъ и теперь, на берегу одного широкаго морского залива, но только много южнѣе, на такъ называемой Гусиной Землѣ. Это — большая низменность на западномъ берегу Новой Земли, куда въ лѣтнее время прилетаетъ масса гусей, которымъ нравится тамошнее приволье и озера, — потому-то и прозвали такъ эту землю.

Какъ и теперь, зимовальную избушку Логая занесло вровень съ крышей снѣгомъ, и только въ сторону моря она была свободна отъ сугробовъ и смотрѣла туда одинокимъ, крошечнымъ оконцемъ. На ночь, когда бывало холодно, оконце затыкали тряпицей, а днемъ, для свѣту, вставляли въ него льдинку, сквозь которую и проходилъ слабый свѣтъ въ хижину.

Однажды рано утромъ, какъ только забрезжилась заря, Логай съ сыномъ Иваномъ захватили съ собой ружья, лодочку, запрягли собакъ и уѣхали на море промыслять тюленей. Дома остались только женщины да ребятишки, да еще съ ними двѣ собачонки. Ребятишки поѣли каши, заползли на постели и давай играть съ щенками, а мать съ Таней занялись чѣмъ-то у печки. Не прошло и часа съ тѣхъ поръ, какъ уѣхали охотники, вдругъ окошечко брякнуло на полъ; стало темно, и къ

нимъ въ избенку просунулась огромная голова бѣлаго медвѣдя... Просунуль онъ голову въ оконце и смотритъ блестящими глазами... Затѣмъ потянулъ носомъ, фыркнулъ и зарычалъ...

Мать съ Таней отскочили въ уголь, стоятъ и смотрятъ на медвѣдя. Такъ онъ ихъ перепугалъ, что даже съ мѣста онѣ сдвинуться не могутъ: «ну, — думаютъ, — съѣстъ»...

Ребятишки закричали, бросились съ постелей, кто—за печку, кто—подъ кровать, кто—къ матери; щенята съ визгомъ за ними; собаки залаяли. Жена Логая закричала, и неизвѣстно, что было бы, если бы въ это время не нашлась наша Таня. Она быстро подскочила къ огню,хватила оттуда пригоршню углей и, размахнувшись, бросила ими прямо въ страшную голову звѣря. Тотъ, вѣроятно, не ожидалъ такого нелюбезнаго пріема со стороны хозяекъ, крикнулъ и вытащилъ голову изъ окошка. Слышно было, какъ онъ поскребся немного около угла и, не желая больше заглядывать въ окно, залѣзъ по сугробу на крышу. Съ потолка посыпался песокъ, когда медвѣдь запагалъ по крышѣ. Думали, что онъ продавить потолокъ, провалится въ избушку, задавить и съѣстъ всѣхъ; но, къ счастью, онъ тамъ нашелъ тюленьи шкуры, стащилъ съ крыши и началъ ихъ грызть, какъ разъ противъ самыхъ сѣней. Сунулась, было, жена Логая запереть двери въ сѣни, а онъ тутъ какъ-тутъ, у самыхъ дверей.

Видитъ Таня, что дѣло плохо, вытолкнула къ медвѣдю пару собакъ,—можетъ, онѣ его отгонятъ. Но собаки были плохія, перепугались медвѣдя такъ,

что съ визгомъ удрали на заливъ, а оттуда—чуть не за версту, и лають на него, зачѣмъ онъ пришелъ къ нимъ на зимовку... На собакъ, значить, надежда плохая. Стащила Таня поскорѣе со стѣны старое отцовское ружье, зарядила его пулей и рѣшилась стрѣлять. А ребяташки вцѣпились въ мать и ревя-реву-ть, не даютъ ей и поворотиться, не то что помочь чѣмъ-нибудь Танѣ...

Но только что Таня завозилась съ ружьемъ, отыскивая пистоны, какъ медвѣдь снова появился въ окошкѣ, еще дальше просунулъ голову и такъ и ломится въ избушку. Но тутъ ужъ въ его бѣлую, громадную голову полетѣла цѣлая головешка... Ърякнулъ онъ, помоталъ головой передъ окошечкомъ и опять полѣзъ на крышу. Нашелъ тамъ опять что-то, снова сползъ внизъ и ѣстъ недалеко отъ избушки. Выснулась Таня въ сѣни, видитъ,—нѣтъ его тамъ, захлопнула поскорѣе сѣнныя двери и стала смотрѣть на дворъ. Видитъ,—медвѣдь недалеко, гложетъ тюленьи шкуры, только клочья летать.

Тутъ ей страшно захотѣлось выстрѣлить въ звѣря. Просунула она въ щель стволъ винтовки, прицѣлилась, прищурилась отъ страху, выстрѣлила и убѣжала въ избу... Слушаютъ, выглядываютъ въ оконце,—ничего не видно. Приотворила Таня двери въ сѣни, выглянула на дворъ, а медвѣдь, какъ ни въ чемъ не бывало, рветъ да ѣстъ тюленьи шкуры. Ухватится лапами за одинъ конецъ шкуры, прижметъ къ снѣгу, возьмется зубами за другой, да

такъ и отдираетъ, а самъ все посматриваетъ на избу, нельзя ли туда зайти и съѣсть ребятишекъ.

Таня бросилась въ избу, опять зарядила пулей винтовку и пошла въ сѣни стрѣлять медвѣдя... А онъ какъ разъ ужъ стоитъ передъ самыми дверями и пробуетъ ихъ отворить лапой... Выстрѣлила она въ него въ упоръ, не помня себя, убѣжала въ избу и держитъ ручку дверей, думая, что медвѣдь бросится за нею... Но въ сѣняхъ ничего не слышно...

Затихли всѣ. Прислушиваются... Проходитъ такъ нѣсколько минутъ, и звѣря какъ-будто не стало. Зарядила Таня еще разъ винтовку, выглянула въ сѣни, а медвѣдь лежитъ у самыхъ дверей мертвый.

Долго онѣ не смѣли подойти къ подстрѣленному звѣрю. Долго онъ еще вздрагивалъ, ворочался, скребъ широкими, мохнатыми лапами снѣгъ, но, наконецъ, совсѣмъ затихъ. Только теперь приближали собаки и, набравшись храбрости, стали лаять на убитаго медвѣдя, потомъ набросились на него и начали его грызть, теревить за уши. Но тутъ, видно, поняли псы, что съ мертвымъ воевать не стоитъ бросили его и стали подлизывать крови, которая лилась изъ раны на снѣгъ.

Ребятишки такъ перепугались бѣлаго гостя, что не только выйти, не смѣли даже выглянуть въ сѣни. А Таня ликовала; она съ гордостью, въ сотый разъ, обходила кругомъ звѣря, пробовала поднять его мохнатую, широкую лапу, пробовала стащить его съ мѣста, такъ какъ онъ какъ разъ лежалъ у самыхъ дверей; но звѣрь былъ такъ великъ и такъ тяжелъ, что имъ и съ матерью вмѣстѣ не удалось стащить медвѣдя съ мѣста.

Самъ Логай, когда вечеромъ воротился съ сыномъ, даже глазамъ не вѣрилъ, когда увидалъ, что бѣлый медвѣдь лежитъ въ сѣняхъ у самыхъ дверей избышки.

Съ этихъ поръ Таня стала настоящей охотницей. Медвѣжью шкуру продали и купили Танѣ бусъ, платковъ, ленточекъ, въ которыхъ она теперь франтила передъ нами, а отецъ ей даже подарилъ свое старое ружье. Съ этихъ поръ ее стали часто брать на море, гдѣ она охотилась не хуже брата, обдирала тюленей, ловко ѣздила на промысловой лодочкѣ, лихо стрѣляла, соперничая со своимъ старшимъ братомъ въ мѣткости стрѣльбы.

Но еще раньше въ Танѣ замѣтна была страсть къ охотѣ. Отецъ рассказывалъ, что она совсѣмъ еще маленькой дѣвочкой уже обнаруживала нѣкоторое пристрастіе къ ней. Бывало, — говорилъ онъ, — какъ только станетъ налаживать ружье, она ужъ тутъ какъ тутъ, сидитъ рядомъ, смотритъ, какъ онъ заряжаетъ или починиваетъ, и спрашиваетъ, куда онъ хочетъ ѣхать, далеко ли это, надолго ли уѣдетъ, какого звѣря привезетъ, гдѣ спать бѣлые медвѣди? и прочее. Ее все интересовало, и, бывало, когда наступитъ теплое время, вскрыется море, прилетятъ гуси, зашумятъ съ горъ ручьи, онъ никакъ не можетъ отъ нея отвязаться, беретъ ее съ собою и везетъ въ санкахъ къ морю, посадить тамъ въ лодочку и ѣздитъ съ нею цѣлый день по заливу, стрѣляя тюленей, гоняясь за водяной птицей, а она спокойно сидитъ себѣ въ лодочкѣ, слѣдитъ за всѣмъ своими черными, бойкими глазками и даже домъ и мать забудетъ.

Таня ѣздила съ отцомъ и въ горы, когда онъ промышлялъ тамъ оленей. Она даже не боялась оставаться тамъ одной, когда отцу нужно было, подсмотрѣвши оленей, оставить съ ней собакъ съ санками, а самому ползти, подкрадываясь къ звѣрю. Однажды, когда Таня такъ оставалась съ собаками, а отецъ ея ушелъ стрѣлять оленей, собаки, увидя послѣднихъ, не выдержали, бросились отъ дѣвочки, вырвали у ней вожжечку и убѣжали въ горы, оставивъ ее совершенно одну въ горахъ. Она и тутъ не испугалась: залѣзла на большой камень, набрала камешковъ, стала ими играть и заснула. Отецъ ея очень перепугался, когда не нашелъ на мѣстѣ ни дочери, ни собакъ. Помчался въ горы, и тамъ ея нѣтъ. Собаки убѣжали версты за три, и онъ ихъ переловилъ; а Тани все нѣтъ. Только вечеромъ нашелъ онъ ее на камнѣ и увезъ домой.

Когда мы кончили разговоры и собрались домой, моимъ ямщикомъ на обратный путь оказалась кума, Она проворно выправила собакъ въ лямбахъ, взяла длинный шестъ, крикнула собакамъ, тѣ вскочили, бросились за первыми санками, она на бѣгу присѣла на передокъ, и мы понеслись съ ней въ сумракѣ ночи, оставляя снѣжный вихрь позади саногъ.

Только теперъ я могъ рассмотреть, какой лихой, живой человекъ моя кумушка: она ловко правила собаками, быстро справлялась съ ними на раскатахъ, и тѣ, чувствуя надъ собой ея длинный, покачивающійся шестъ, зная ея руку, летѣли впереди во весь собачій духъ, такъ что я держался обѣими руками за санки.

И на каждомъ толчкѣ раската, на каждомъ ныркѣ сугроба только побрякивали ея мѣдныя цѣпочки, шуршали бусы и развѣвались по вѣтру ея ленточки... Я не могъ налюбоваться на удалъ этой молодой дѣвушки, которой, казалось, больше доставляло удовольствія быть въ роли мальчика, возиться съ ружьемъ, чѣмъ сидѣть дома, играть въ куклы и забавлять маленькихъ братьевъ и сестеръ.

Черезъ какой-нибудь часъ мы были дома, и я подарилъ моей юной кумѣ такой красный платокъ какого она сроду не видала на Новой Землѣ.

Такъ кончилась моя поѣздка къ Логаю, гдѣ я познакомился съ этой замѣчательной маленькой охотницей-самоѣдкой.

III.

Познакомившись съ Таней Логай, я часто потомъ видалъ ее у насъ въ колоніи, куда она подчасъ являлась одна-одинешенька, а то и съ братомъ, или съ отцомъ за покупками, или просто пови-даться, поболтать съ знакомыми самоѣдами. У нея теперь были свои санки для развѣздовъ, собаки, которыя ее любили, потому что она ихъ хорошо кормила, и всѣ принадлежности охоты. Непремѣнно съ ней же неразлучно всегда было и ружье, которое она привязывала, вдоль санокъ, въ особомъ чехлѣ, съ порохомъ и пулями наготовѣ.

Въ такіе приѣзды она непремѣнно заходила и къ намъ съ батюшкой. Теперь она уже насъ знала и меньше стыдилась. Придетъ, помолится Богу, поклонится намъ и станетъ скромненько у дверей,

— Ну, — согласишь, бывало, — Таня, какъ расправляешься ты нынче съ бѣлыми медвѣдями, часто ли ходять они къ вамъ въ гости?..

Она засмѣется.

— Какъ промышляешь, много ли тюленей убила, сколько песцовъ поймала въ капканы?

Таня все подробно и обстоятельно расскажетъ. Пригласишь гостью чаю напиться (дома она рѣдко пила чай, потому что отецъ не держалъ его, считая баловствомъ этотъ напитокъ), и вотъ она оживится, расскажетъ, какъ, когда они ѣздили съ братомъ въ горы, какъ онъ промахнулся въ оленя, а она убила на бѣгу его пулей, какъ ихъ чуть-чуть не оторвало отъ берега на льдинѣ и чуть, было, не унесло въ море, когда они стрѣляли тюленей на льду залива, какъ они видѣли стадо моржей, бѣлыхъ дельфиновъ, когда прилетѣли первыя гаги на море, когда слышали голосъ лебедя... Все это она знала, за всѣмъ слѣдила, ей была мила, дорога эта природа полярной страны, гдѣ она родилась, ей понятенъ былъ ея языкъ, ея прелести. Она слѣдитъ за всѣмъ, она не живетъ жизнью одного скучнаго чума — жилища самоѣда, для нея есть другой міръ, и она его любитъ. И странно, — порой эта дѣвочка, четырнадцати лѣтъ, всѣмъ еще неразвившаяся, почти ребенокъ, низенькая, худенькая, заставляла насъ заслушиваться ея разсказовъ; съ ней было отрадно, весело, пріятно.

Всѣ самоѣды тоже ее любили. Они утверждали, что Таня, дѣйствительно, хорошо стрѣляетъ:

— У ней твердая рука и счастье на звѣря.

И, дѣйствительно, это была правда; не прошло

и года съ нашей первой встрѣчи, какъ Танѣ опять посчастливилось поохотиться на бѣлаго медвѣдя, тогда какъ другимъ самоѣдамъ не удавалось по цѣлымъ годамъ даже въ глаза видѣть звѣря.

Въ этотъ годъ Логаи зимовали очень далеко отъ насъ, и я видѣлъ только одинъ разъ свою куму. Они жили на берегу одного длиннаго мыса, выдававшася въ море, верстахъ въ полтораста отъ насъ и нарочно туда уѣхали еще по веснѣ, чтобы поохотиться на бѣлыхъ медвѣдей, которые, бродя зимой вдоль береговъ Новой Земли, любятъ заходить на выдающіеся мысы острова. У нихъ даже тамъ проложена своя дорога, тропа въ зимнее время.

Логаи и теперь промышляли преимущественно тюленей. Теперь у нихъ не было избушки, потому что выстроить ее было не изъ чего, и они жили въ кожаномъ оленьемъ чуму-палаткѣ, въ видѣ конуса, въ которомъ зимовать еще страшнѣе, чѣмъ въ маленькой избушкѣ. Такъ какъ жилье ихъ было далеко отъ полыньи, гдѣ они охотились, то приходилось складывать убитыхъ тюленей на одинъ мысокъ залива, который, какъ крѣпостная стѣна, возвышался надъ заливомъ, неподалеку отъ мѣста ихъ промысла. Мысъ этотъ состоялъ изъ отвѣсныхъ скалъ, куда только съ двухъ сторонъ можно было подняться съ моря по крутымъ, неловкимъ подьемамъ, словно нарочно высѣченнымъ въ скалѣ.

Стаскивая туда тюленей, Логаи укладывали ихъ въ кучи и были увѣрены, что медвѣди сюда не заберутся. Но оказалось напротивъ. Какъ только

море замерзло, какъ только нанесло къ берегамъ плывучіе льды,—на нихъ приплыли и бѣлые пассажиры. Складъ сала у Логаевъ сталъ замѣтно убывать...

Оказалось вскорѣ, что туда ходить не одинъ медвѣдь, а чуть ли не цѣлый пятокъ. Какъ только Логаи пріѣдутъ на мысъ утромъ, смотреть, — ужъ десятка тюленей и нѣтъ; и найдено и наброшено по снѣгу. Въ одномъ мѣстѣ видно, что ѣлъ сало большой медвѣдь; тамъ видно, что тащилъ тюленя маленькій, а здѣсь—остались одни клочки шкуры... Мало того, что медвѣди ѣли запасы, — они еще здѣсь и забавлялись: поѣдятъ-поѣдятъ, а потомъ покатаются съ сугробовъ на спинѣ, поиграютъ, попрыгаютъ около, а нѣкоторые даже и спать тутъ улягутся: вырыли себѣ за вѣтромъ ямы въ снѣгу, и видно, что отлеживались послѣ сытнаго обѣда.

Незванные гости грозили скоро совсѣмъ уничтожить складъ сала, и Логаи рѣшили ихъ побеспокоить. Но какъ они ни старались захватить медвѣдей раннимъ утромъ, какъ ни поджидали ихъ позднимъ вечеромъ, имъ никакъ это не удавалось. Медвѣди приходили на воровской промыселъ позднею ночью и уходили тотчасъ же, какъ забрезжитъ заря и со стороны зимовья послышится лай запрягаемыхъ собакъ.

Оставалось одно: караулить ихъ здѣсь, на мѣстѣ, оставшись тутъ на ночь. Но рѣшиться на такое дѣло было трудно: медвѣдь ходилъ не одинъ, ночь темна, стѣить только промахнуться, какъ звѣрь—уже передъ тобой и заноситъ широкую лапу...

Въ это же время, какъ нарочно, занемогъ самъ

Логай, и моей кумѣ со старшимъ братомъ приходилось однимъ отбивать медвѣдей отъ склада сала.

Долго они придумывали, какъ имъ отвадить медвѣдей лакомиться чужимъ добромъ; долго они обсуждали, какъ устроить ловушку, капканъ, или что-нибудь такое, чѣмъ бы можно было хоть испугать медвѣдей; но ничего у нихъ не выходило. Поставили они однажды старое заряженное ружье, взвели курокъ, протянули отъ него нитку, думая, что какъ только звѣрь станетъ подниматься по спуску, то задѣнетъ нитку, курокъ спустится, — и пуля угодитъ звѣрю прямо въ лобъ. Но оказалось, что пуля попала въ скалу, и медвѣдей лишь разсердила... Таня съ братомъ на другой день нашли отъ ружья одно только ложе да обломки, а сала ubyло еще больше. Но на ихъ счастье наступили тихія, свѣтлыя, лунныя ночи, и они рѣшились подкараулить гостей на мѣстѣ.

Взяли они всѣ свои ружья, зарядили ихъ крѣпкими зарядами и отправились подъ вечеръ на скалу, куда ходили ѣсть ихъ сало медвѣди.

Тамъ они сдѣлали себѣ въ снѣгу засаду надъ самымъ тѣмъ подъемомъ, по которому взлѣзали на скалу медвѣди, гдѣ была уже протоптана цѣлая тропа широкими медвѣжьими лапами, и засѣли.

Пока еще догорала румяная заря на темномъ горизонтѣ моря, золотя пловучіе льды, сидѣть было весело; но какъ только наступили сумерки, съ моря потянуло холодомъ и сыростью, пропала изъ виду дальняя зимовка, сумерки закутали и море, и горы, — охотники остались совсѣмъ одни въ

этомъ сыромъ, холодномъ полумракѣ, и стало имъ такъ жутко среди этой мертвой тишины, въ этомъ одиночествѣ, что они готовы были уже убѣжать домой, если бы только это было теперь возможно.

А между тѣмъ, скрипъ льдовъ подъ берегомъ, трескъ лопавшагося отъ мороза камня, шорохъ сталкивающихся въ море льдовъ, осыпъ снѣга гдѣ-нибудь подъ скалою — такъ волновали ихъ, такъ тревожили, что имъ казалось, будто ихъ уже окружили, идутъ къ нимъ со всѣхъ сторонъ бѣлые медвѣди, и не видѣтъ имъ больше ни дома, ни отца съ матерью...

Вслушиваясь въ эту тишину, вглядываясь въ потемнѣвшій снѣгъ залива, Танѣ и брату уже ясно казалось что вотъ идутъ со льдовъ медвѣди, вотъ остановились, прислушиваются, вотъ поднимаются на скалу, — и молодые люди, невольно пугая порой другъ друга, схватываются за ружья, готовые бороться за жизнь до послѣдней капли крови, замирая отъ волненія, такъ что слышно было, какъ колотится въ груди ихъ сердце...

Но вотъ позади ихъ, изъ-за горы показался отблескъ свѣта еще немного, — и оттуда выкатилась полная луна и облила все такимъ серебристымъ свѣтомъ, что заиграли лучами снѣга и льды, и стало даже весело...

Теперь все хорошо видно: и заливъ подъ снѣгомъ, и горы съ снѣжными вершинами, мрачными скалами, и темная поверхность застывающей полыни, съ которой поднимается густой, бѣлый паръ и тянется къ берегу, тутъ же теряясь въ морозномъ воздухѣ ночи. Теперь они могутъ видѣть все, имъ совсѣмъ не страшно, только холодно, и они продрогли.

Но не долго пришлось нашим охотникам дожидаться къ себѣ бѣлыхъ гостей.

Гдѣ-то далеко послышались явственно тяжелые шаги... Всмотрѣлись Таня съ братомъ въ края льдовъ залива и увидали, что къ нимъ прямо подвигается медленно что-то огромное, бѣлое... То шель медвѣдь и притомъ, видимо, старый, большой.

Онъ одинъ. Онъ остороженъ. Онъ часто останавливается на ходу, взлѣзаетъ на льдину тороса, встаетъ на дыбы и всматривается впередъ, словно чувствуя, что тамъ, въ засадѣ, сидятъ люди. Затѣмъ опять идетъ. Идетъ медленно, широко размахивая громадной головой, увѣренный, видимо, въ своей силѣ, не боясь никого и ничего на свѣтѣ. Охотники замерли. Кума говорила, что у нея даже волосы зашевелились отъ страха, когда медвѣдь подошелъ къ самой скалѣ, остановился, сталъ всматриваться, потянулъ мордой воздухъ и фыркнулъ.

Они уже думали, что звѣрь ихъ замѣтилъ и только высматриваетъ... Стѣбитъ имъ шевельнуться, и медвѣдь бросится на нихъ. Но, къ счастью, звѣрь ихъ не замѣтилъ и, простоявъ въ раздумьи подъ скалой съ минуту, которая показалась нашимъ смѣльчакамъ вѣчностью, онъ также медленно и увѣренно полѣзъ вверхъ, на скалу, по крутому подъему... Слышно было, какъ полетѣлъ изъ-подъ его лапъ камень, какъ посыпался снѣгъ... Но только что медвѣдь поднялся до половины и высунулся изъ-за ближайшаго камня, какъ мелькнулъ на секунду огонекъ, другой, раздалось разъ-за-разъ два выстрѣла, и что-то, кряхтя, покатилося подъ скалу и тамъ заворочалось, заворочало... Немного погодя, все затихло...

Таня съ братомъ схватили запасный ружья, взвели курки и, не смѣя сказать другъ другу словъ, не зная, что случилось, убить ли звѣрь, или надо ждать, что онъ очнется, бросится на нихъ, — чутко прислушивались въ тишинѣ, которую только на мигъ нарушили слабо треснувшіе въ морозномъ воздухѣ выстрѣлы.

Была такая мертвая тишина, что, казалось, будто ничего и не случилось... Только дрожащія руки говорили о томъ, что произошло что-то страшное, что гдѣ-то около бродить, быть-можетъ, смерть...

Посмотрѣть подъ скалу, куда свалился медвѣдь, было невозможно: скала отвѣсная; ночью какъ разъ сорвешься... Вотъ они опять сидятъ съ ружьями въ рукахъ, съ взведенными курками, то посматривая впередъ на спускъ, то оглядываясь тревожно назадъ, все еще ожидая, что звѣрь очнется, подкрадется и бросится на нихъ.

Но вмѣсто него со стороны темной полосы морской воды, слышались еще шаги, и охотники увидели, что къ нимъ направляются двѣ бѣлыя фигуры.

Вотъ онѣ подходятъ ближе, вотъ можно уже разобрать, что это медвѣдица съ годовалымъ медвѣженкомъ. Таня съ братомъ знаютъ, какъ злы бываютъ медвѣдицы, и приготовляются встрѣтить страшную гостью, спѣшно заряжая ружья.

Медвѣди идутъ прямо по слѣду перваго. Они не останавливаются ни на секунду и, вѣроятно, полагая, что первый уже закусилъ, торопятся утолить и свой голодъ. Медвѣдица идетъ впереди, молодой лѣниво тянется позади. Но вотъ онъ узнаетъ мѣсто

склада, бросается нетерпѣливо впередъ, бѣжитъ къ подъему. Но тутъ его нагоняетъ мать и даетъ ему такого шлепка широкой лапой, что онъ кубаремъ летитъ прочь и стонетъ отъ боли... Вотъ медвѣди ужъ у самой скалы, вотъ ихъ стало не слышно, Охотники замерли въ ожиданіи, они едва держатъ ружья. Проходятъ минуты за минутами, но звѣри не показываются. Вдругъ Танѣ и брату приходитъ на мысль, что медвѣди взойшли съ другой стороны и, быть можетъ, смотря на нихъ сзади.. Они оглядываются, и, дѣйствительно, передъ ними всего, быть-можетъ, саженьхъ въ десяти стоятъ медвѣди и, вытянувшись, въ недоумѣніи, не рѣшаясь еще напасть, смотря на нихъ, готовы броситься. У охотниковъ опустились руки; они видятъ, какъ блестятъ глаза медвѣдицы, они видятъ, какъ поднимается у нея на спинѣ шерсть, но у нихъ нѣтъ силы поднять ружья, они застыли отъ ужаса, отъ неожиданности...

Раздался страшный ревъ, медвѣдица встала на дыбы, медвѣжонокъ бросился назадъ.. Тогда мать, быстро, неожиданно повернувшись, скрылась за медвѣжонкомъ подъ скалу, оставивъ въ покоѣ прижавшихся другъ къ другу охотниковъ.. Слышно было, какъ медвѣди ушли въ море. Стало совсѣмъ тихо. Но Таня долго не могла успокоиться и рыдала на груди своего брата...

Подъ самое утро еще приходилъ одинъ молодой медвѣдь, но онъ ихъ замѣтилъ, не рѣшился подняться на скалу и долго, до самаго разсвѣта бродилъ около скалы, что-то нюхая и не давая заснуть

утомленной, замерзшей и теперь равнодушной ко всему охотницѣ...

Утромъ охотники нашли подъ скалой, у самаго подъема наповаль убитаго медвѣдя: обѣ пули попали ему въ грудь, и смерть была моментальная.

Такъ закончилась эта памятная ночь, о которой Таня что-то не любитъ вспоминать и рассказывать...

Но этотъ случай, какъ можно было бы ожидать, не отбилъ у дѣвушки страсти къ охотѣ. Она все скоро забыла, страсть взяла верхъ, и вплоть до самаго моего отъѣзда съ острова (я прожилъ тамъ еще два года) мнѣ часто приходилось слышать, что кума моя попрежнему охотится, ѣздитъ за оленями, ловить въ капканы песцовъ, стрѣляетъ въ морѣ моржей, бѣлыхъ дельфиновъ и даже перещеголяла въ охотѣ отца и брата.

Самоѣды просто удивляются ей и ужъ собираются сватать, но она ни за что не хочетъ мѣнять своей свободы и ружья на чумъ и котлы, и непремѣнно хочетъ остаться дѣвушкой и помогать старику-отцу поднимать на ноги ребятишекъ.

Въ послѣдній разъ я ее видѣлъ незадолго до своего отъѣзда. Она пріѣхала къ намъ одна-одинешенька съ берега Карскаго моря, гдѣ тогда зимовалъ ея отецъ. Это было, по крайней мѣрѣ, верстахъ въ полтораста.

Таня явилась не одна, а въ компаніи съ маленькимъ бѣлымъ медвѣжонкомъ, котораго она мнѣ привезла живымъ, поймавши его гдѣ-то тамъ, въ берлогѣ, послѣ того, какъ они съ братомъ убили медвѣдицу.

Бѣлый кавалеръ сидѣлъ у нея за спиной на

санкахъ, привязанный веревочкой, и что-то жалобно жаловался, вѣроятно, не привыкши кататься на санкахъ съ такой удалой красавицей.

Я сталъ ее разспрашивать про отца, про семью, про то, какъ они провели эту зиму, много-ли убили бѣлыхъ медвѣдей, много ли словили бѣлыхъ песцовъ. Все оказалось хорошо, охотились они тамъ чудесно; зимой медвѣдей была пропасть, чуть не каждый день бродили они кругомъ зимовки. Иной разъ собаки спать не давали, гоняясь за ними, но было плохо одно, что ея отецъ боленъ и лежитъ вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, а маленькій ея любимецъ Костя, котораго она уже таскала на охоту, недавно умеръ, и его похоронили на берегу Карскаго моря...

Таня очень любила братишку и теперь, вспомнивъ про него, заплакала...

Она погостила у насъ день, накормила собакъ, запаслась припасами. Я послалъ ея отцу лѣкарства, сказалъ, что унывать не надо, болѣзнь пройдетъ, все поправится, простился съ ней, и она, попрежнему веселая, беззаботная, выправила собакъ въ лямкахъ, крикнула на нихъ, сѣла на санки и въ минуту скрылась за ближайшимъ мыскомъ нашего залива.

Послѣ того мы уже съ ней не видались и, вѣроятно, больше не увидимся; но, вспоминая ее, я часто вижу передъ собой худенькую, низенькую дѣвушку, съ смуглымъ, красивымъ личикомъ, съ блестящими, черными, бойкими глазами, которая, быть-можетъ, и теперь носится привольно по своей пустынной и дикой родинѣ на легкихъ саночкахъ, запряженныхъ веселыми, мохнатыми собачками, съ привязаннымъ ружьемъ на боку...

Къ разсказу „Таня Логай“ имѣются въ Коммиссіи тѣ-
невыхъ картинъ при Учебномъ отдѣлѣ Политехниче-
скаго музея слѣдующіи картины:

- 1) Карта Сѣвернаго края.
 - 2) Типы самоѣдовъ.
 - 3) Ызда на собакахъ.
 - 4) Хижина самоѣда.
 - 5) Внутренній видъ хижины.
 - 6) Типы самоѣдской женщины и дѣвушки.
 - 7) Тюлень.
 - 8) Сѣверный олень.
 - 9) Бѣлый медвѣдь.
 - 10) Песець.
 - 11) Гага.
 - 12) Бѣлые медвѣди, уничтожающіе запасы.
-

Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двухклас-
сныхъ школъ. Изд. 77, 1900 г. Ц. 20 к. Книга занесенѣ въ 20
изд. въ каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ
Вѣд. Мин. Нар. Пр. (стр. 18). Одобрена для младш. клас. срезн. учебн.
завед. Мин. Нар. Пр. (Каталогъ уч. рук. и пособій стр. 14.)

Начатки грамматики,—руков. для сельскихъ школъ. Изд. 17-е,
1900 г. Ц. 15 к. Книга внесена въ каталогъ для употр. въ низш.
учил. Вѣд. Мин. Нар. Пр. (стр. 18).

Азбука правописанія, ч. 1-я. Сборникъ примѣровъ и статей для
диктовки на главнѣйшіе случаи правописанія буквъ, съ приложе-
ніемъ краткаго орфографическаго словаря. Изд. 19-е, 1898 г. Ц. 40 к.
Книга занесена въ 9 изд. въ каталогъ книгъ для употр. въ низш.
учил. Вѣд. Мин. Нар. Пр. (стр. 42).

Азбука правописанія ч. 2-я. Сборн. примѣр. и статей для диктовки
на главнѣйшіе случаи употр. знак. препинанія. Изд. 5-е 1899 г. Ц. 40 к.

Начатки географіи для нач. школъ. Изд. 6-е, 1900 г. Ц. 30 к. Книга
занесена во 2 изд. въ каталогъ книгъ для употр. въ низш. учи-
лищахъ Вѣд. Мин. Нар. Пр. (стр. 103).

Изъ исторіи родной земли. Очерки и рассказы для школъ и на-
рода. Ч. 1-я—Древняя Россія. Изданіе 6-е. Ц. 40 к. Ч. 2-я—Новая
Россія. Изданіе 6-е, значительно исправленное. Ц. 35 коп. Военно-
ученымъ Комит. Главн. Штаба книга допущена для обращенія въ
войскахъ; Учен. Отд. Главн. Морского Штаба для библіотекъ ниж-
нихъ чин. Морск. вѣд. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущена въ библ.
нач. учил. и въ безпл. народ. библ. и чит. (Журн. Мин. Нар. Пр.
№ 1, 97 г.) Съ 20 рисунк. и 2 картами. Въ текстѣ рисунки и карты.

Цѣны безъ пересылки.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:

МОСКВА,

Б. Молчановка, д. №. 24, Д. И. Тихомирова.

Редакція журналовъ

„Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА въ 1901 г.

на два журнала

XXXIII

„Дѣтское Чтеніе“

XXXIII

и

„Педагогическій Листокъ“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналы „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“ разрѣшены къ выпискѣ въ библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни; журналы **ОДОВРЕНЫ** Ученымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній.

„Педагогическій Листокъ“ съ 1900 года выходитъ восемь разъ въ годъ книжками отъ 6-ти до 8 листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

„Дѣтское Чтеніе“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“—съ перес. 6 руб. и 5 руб. безъ перес. „Дѣтское Чтеніе“ безъ „Педагогическаго Листка“—5 руб. съ перес. и 4 руб. 50 коп. безъ перес. „Педагогическій Листокъ“ отъѣльно—2 р. съ перес. и 1 руб. 75 коп. безъ пересылки.

За границу—8 руб. Допускается разсрочка.

Въ редакціи имѣются, въ незначительномъ числѣ, экземпляры „Дѣтскаго Чтенія“ и „Педагогическаго Листка“ за 1894, 1895, 1896, 1897, 1898 и 1899 г., цѣна за каждый годъ пять рублей безъ пересылки.

Адресъ редакціи и главной конторы: Москва, Большая Молчановка, д. № 24—Дм. Ив. Тихомирова.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

